

В. Б. ВАЛЬКОВА

*Российская академия музыки имени Гнесиных г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5858-0613, veraval@yandex.ru*

Третья симфония С. В. Рахманинова: повороты судьбы и капризы моды

В статье рассматривается рецепция Третьей симфонии Рахманинова в первое десятилетие ее концертной жизни (1936–1947). Давно опубликованные разрозненные свидетельства, собранные вместе и дополненные новыми, ранее неизвестными материалами, складываются в показательную и глубоко проблематичную историю. Восприятие и осмысление Третьей симфонии прошло в это время через несколько этапов. Первый из них связан с премьерными исполнениями симфонии в США, после которых обнаружилось резкое расхождение реакции слушателей и оценок в прессе. И восторженное приятие публики, и холодный прием у критиков были обусловлены двумя разными тенденциями в господствовавшей тогда «моде». Вторым этапом рецепции Третьей симфонии – восторженный ее прием в СССР в 1943–47 годах. Третий этап – резкое осуждение симфонии и всего позднего творчества Рахманинова в результате «антиформалистической» сталинской кампании 1948 года, что создало искусственные препятствия для исполнения и изучения произведения. Вопреки всем спорам дальнейшая судьба Третьей симфонии доказывает ее высокие художественные достоинства. История рецепции Третьей симфонии Рахманинова в первое десятилетие ее концертной судьбы сосредоточила в себе весьма симптоматичные столкновения и сломы суждений.

Ключевые слова: Рахманинов, Третья симфония, рецепция, мода, исполнения и отзывы в США, успех и осуждение в СССР.

Для цитирования / For citation: Валькова В.Б.. Третья симфония С.В. Рахманинова: вопросы судьбы и капризы моды // Проблемы музыкальной науки. 2021. № 1. С. 28–37. DOI: 10.17674/1997-0854.2021.1.028-037.

V. B. VAL'KOVA

*Russian Gnessins Academy of Music Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5858-0613, veraval@yandex.ru*

Rachmaninoff's Third Symphony: Turns of Fate and Whims of Fashion

The article examines the reception of Rachmaninoff's Third Symphony in the first decade of its concert life (1936–1947). Scattered testimonies published long ago, brought together and supplemented by new, previously unknown materials, add up to an indicative and deeply problematic story. The perception and comprehension of the Third Symphony passed through several stages at that time.

The first of them is associated with the premiere performances of the symphony in the United States, after which a sharp discrepancy in the reaction of listeners and assessments in the press was revealed. Both the enthusiastic acceptance of the public and the cold reception from the critics were due to two different tendencies in the then prevailing “fashion”. The second stage in the reception of the Third Symphony was its enthusiastic reception in the USSR in 1943–47. The third stage was a sharp condemnation of the symphony and all of Rachmaninoff’s later work as a result of the “anti-formalist” Stalinist campaign of 1948, which created artificial obstacles for performing and studying the work. Despite all the controversy, the further fate of the Third Symphony proves its high artistic merit. The history of the reception of Rachmaninoff’s Third Symphony in the first decade of its concert life concentrated in itself very symptomatic collisions and breakdowns of judgments.

Keywords: Rachmaninov, Third Symphony, reception, fashion, performances and reviews in the USA, success and condemnation in the USSR.

Третья симфония Рахманинова принадлежит к признанным вершинам симфонической музыки XX века, заняв прочное место в репертуаре почти всех симфонических оркестров мира. Давно отошли в прошлое и основательно забылись те споры и превратности, которые сопровождали первое десятилетие концертной жизни произведения (1936–1947). Между тем, эти обстоятельства могут высветить существенные детали в истории рецепции произведения и тем самым дать важный материал для осмысления одного из самых драматических периодов в истории музыки XX века. Давно опубликованные разрозненные свидетельства¹, собранные вместе и дополненные новыми, ранее неизвестными материалами, складываются в показательную и глубоко проблематичную историю.

Восприятие и осмысление Третьей симфонии прошло в это время через несколько этапов. Первый из них связан с премьерными исполнениями симфонии в США. Здесь уместно будет напомнить обстоятельства появления симфонии. Она была закончена летом 1936 года. Судя по всему, сочинение шло трудно, и Рахманинов остерегался раскрывать кому-либо не только сроки окончания, но и жанр нового опуса. Только в письме к С.А. Сатиной от 30 июня

1936 года Рахманинов, наконец, сообщает об окончании работы и впервые упоминает название произведения: «Всё же работу свою я вчера утром кончил, о чём тебе первой сообщаю. Это Симфония. Первое её исполнение обещано Стоковскому. Кажется, в ноябре. Всеми помыслами благодарю бога, что мне это удалось сделать!» [11, с. 80]. Позже, в сентябре, явно под влиянием плохого физического самочувствия Рахманинов переживает тягостные сомнения в связи с окончанием работы, в чем он признается С.А. Сатиной (письмо от 26 сентября того же года): «...плохое настроение усугубляется еще фактом, что о своей последней Симфонии стал думать без всякой радости» [11, с. 90].

Первые исполнения симфонии состоялись в г. Филадельфия 6 и 7 ноября 1936 года. Как и предполагалось, Филадельфийским симфоническим оркестром дирижировал Л. Стоковский. 10 ноября симфония была исполнена тем же составом в Нью-Йорке. Затем в ближайшие два года симфония прозвучала в разных городах США (Сент-Луисе, в Питсбурге, Кливленде). Европейская премьера прошла в Лондоне (под управлением Т. Бичема 22 марта 1938 года) и в Ливерпуле (под управлением Г. Вуда 3 апреля того же года).

Партитура Третьей симфонии была опубликована в издательстве ТАИР совместно с фирмой Ч. Фоли (Charles Foley) в 1937 году. 11 декабря 1939 года была выпущена граммофонная пластинка с записью Третьей симфонии в исполнении Филадельфийского оркестра под управлением автора.

На первых же исполнениях обнаружилось резкое расхождение реакции слушателей и оценок в прессе. Та же пресса, независимо от собственных суждений, даёт нам выразительные описания горячего приёма публикой нового сочинения Рахманинова. После концерта в Филадельфии газета *The New York Times* писала: «Филадельфия, 7 ноября. – Исполнение в вечернем концерте новой, Третьей симфонии Сергея Рахманинова Филадельфийским оркестром под управлением Леопольда Стоковского было встречено овацией. Прослушав недавно сочинённое симфоническое произведение знаменитого пианиста, слушатели, заполнившие зал Академии музыки, стоя с огромным воодушевлением аплодировали до тех пор, пока г. Стоковский и оркестранты не откликнулись на их восторженный приём. Поскольку публика отказывалась расходиться, дирижёр вновь появился на сцене вместе с г. Рахманиновым. Громовые аплодисменты не стихали до тех пор, пока композитор не вышел ещё дважды, указывая на стоявшего в стороне г. Стоковского, подчеркивая этим своё желание отдать должное дирижёру» [18]². Рецензент добавляет: «Сегодняшнюю публику можно считать даже более восторженной, чем собравшуюся на премьерe симфонии вчера днём» [18].

В отличие от публики критики не были единодушны в своих оценках. Среди немногих положительных отзывов – статья в газете *Daily Mirror* от 11 ноября 1936 года, в которой критик Дж. Симен утверждает, что Третья симфония –

«одно из значительных произведений русской школы. В этом сочинении есть широта и величие, горячая увлечённость и мистическая красота, нечто, граничащее с гениальностью» [19]. В связи с исполнением в Нью-Йорке 10 ноября газета *The New York Times* 11 ноября отмечала: «искренность и оригинальность произведения, сочетание блестящей техники и мастерской оркестровки вызвали бурный восторг слушателей» [16].

Однако большинство критиков подчёркивали уязвимые стороны симфонии. Так, обозреватель Нью-Йоркской газеты *Time*, резюмируя мнения критиков, пишет: «Рахманиновская Третья, представленная в концерте, не показала критикам лучше, чем это было на её мировой премьерe в Филадельфии две недели назад. Струнные выпевали красивые мелодии, инструментовка свидетельствовала о мастерстве автора, но в целом произведение не выстроено» [15]. По мнению Лоренса Гильмана (его цитирует газета *New York Herald Tribune*), «симфония “имеет много знакомых по прежним произведениям композитора черт – склонность к мрачной задумчивости, лирической экспансивности и вызывающе пышной декоративности. Однако, в сущности, выдающийся русский уже высказал всё это раньше – и с большей значительностью, выразительностью и яркостью”» [17]. Олин Даунс в уже цитированной статье, признавая достоинства симфонии и её успех у публики, тем не менее предполагает: «Не лучше ли было бы для формы произведения пройти по нему пару раз ножницами?» [16].

Подобное отношение к симфонии болезненно переживал Рахманинов, не принимая близко к сердцу восторженную реакцию слушателей, но остро окликаясь на «кислые» отзывы прессы. В письме к В. Вильшау от 7 июля 1937 года он

обобщает свои впечатления (явно недооценивая горячий приём публики): «Скажу ещё несколько слов про новую Симфонию. Играли её в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго и т.д. На первых двух исполнениях был и я. Играли её замечательно (Филадельфийский оркестр, о котором я уже тебе писал. Дир[ижёр] Стоковский). Приём и у публики, и у критики – кислый. Запомнился больно один отзыв: во мне, то есть в Рахм[анинове], третьей симфонии больше нет³. Лично я убеждён, что вещь эта хорошая». [11, с. 109] Прохладный приём симфонии Рахманинов с огорчением упоминает и в письме к Г. Вуду от 15 декабря 1937 года: «Примерно десять дней назад я прочёл в “New York Times” письмо из Лондона, в котором говорилось, что первое исполнение моей Третьей симфонии получило слишком слабый отклик в прессе. Эти новости, конечно, огорчили меня...» [11, с. 121].

Более успешно прошли премьерные исполнения в Англии в марте 1938 года. Именно они положили начало растущему успеху симфонии во всех странах мира.

27 марта 1938 года Рахманинов в письме к Е.И. и Е.К. Сомовым радостно сообщает о большом успехе симфонии после исполнения её Г. Вудом в Ливерпуле: «Что касается артистических дел, то никогда мои дела не были так успешны и блестящи, как в этом году. <...> Даже моя 3-я симфония, только что исполненная в Liverpool Wood’ом, имела большой успех. Это ли не удача! 3 апреля он её повторяет по радио» [11, 124].

В дальнейшем высокую репутацию и прочный успех симфонии определило отношение к ней выдающихся дирижёров, таких как Л. Стоковский, Г. Вуд, Д. Митропулос, Ю. Орманди и др.

Однако для нашей темы интерес представляет характерное расхождение первых отзывов публики и критики о Третьей симфонии. Успех Третьей симфонии

у американской публики в определённой мере отражал то, что можно назвать модой на Рахманинова – прежде всего, как пианиста-виртуоза. Это была именно мода, с сопутствующим ей коммерческим успехом и своего рода «мифологией». Восприятие фигуры Рахманинова рядовыми американцами явно имело отношение к категориям моды, рекламы и коммерции. Оно отражено в известном эпизоде короткой переписки композитора с 14-летним мальчиком, оказавшимся в сложной ситуации выбора будущей профессии. Юный корреспондент Рахманинова 14 февраля 1934 года писал ему: «Я <...> занимаюсь музыкой с тем, чтобы сделать с её помощью мою карьеру в жизни. Вопрос, на который я хотел бы получить от Вас ответ, следующий: можно ли, занимаясь великим искусством музыки как профессией, зарабатывать себе на жизнь? Этот вопрос возник у меня, когда в классе мы должны были высказаться о наиболее выгодных пяти областях образования. Мне было сказано, что музыка не профессия, которая может стать доходной статьёй. Тогда я и решил написать Вам. Меня к этому вынудили» [11, с. 245].

Из письма видно, что Рахманинов олицетворял для американских школьников и их учителей редкий случай успешной карьеры музыканта, который должен был в ответном письме подтвердить, что его «профессия может стать доходной статьёй». По-видимому, это интересовало весь класс и письмо имело характер коллективного обращения – мальчик признаётся: «меня к этому вынудили».

Не менее примечателен лаконичный и решительный ответ Рахманинова. Он звучит словно из другой системы жизненных координат, из другого мира. «<...> те, кто подходит к музыкальному искусству только с единственным намерением заработать деньги, – всегда терпят

крах» [11, с. 11]. Как видим, для одного из самых знаменитых артистов того времени мода и успех не только вторичны, но вообще вынесены за пределы профессионального целеполагания и какого-либо серьёзного обсуждения – по крайней мере на уровне осознанных нравственных установок.

Через несколько месяцев после этого эпистолярного эпизода, летом 1935 года Рахманинов начнёт работу над Третьей симфонией, не ведая, что в обращении к нему американского школьника уже получен опосредованный, но верный знак готовности публики принять новое сочинение «звёздного» автора.

Оттенок модного «поветрия» можно обнаружить и в постоянном недоверчиво-скептическом отношении американской критики к композиторскому творчеству Рахманинова, часто образующей заметный диссонанс к восторгам публики. Этот давно замеченный диссонанс сопровождал выступления Рахманинова и в России, особенно в 1910-е годы (здесь нет возможности напоминать конкретные случаи подобного рода). И тогда, и в Америке недовольство критики было явно вызвано «отсталостью», «консервативностью», даже «самоповторением» (напомним один из отзывов: «выдающийся русский уже высказал всё это раньше – и с большей значительностью...») [17].

Наверное, можно увидеть в этом устойчивую и редкую особенность композиторской карьеры Рахманинова – особенность, до сих пор недостаточно отрефлектированную в музыкальной науке...

Существенно иная расстановка сил сопровождала появление последней симфонии Рахманинова на его родине. Знакомство с симфонией в СССР прошло на волне заметного «потепления» в отношении советского руководства к наследию Рахманинова – на смену идеологической

подозрительности и ограничениям на исполнение и изучение музыки композитора⁴ пришло её официальное признание. В немалой степени толчком к такому повороту стала открытая поддержка и щедрая материальная помощь, которые оказал Рахманинов Советской армии в 1941–1942 годах. Важную роль сыграло и общее ослабление идеологического пресса на советское общество в период войны и в первые послевоенные годы.

Известно, что мода часто рождается из некой авторитетной властной инициативы. Так случилось и на этот раз. Изменения в настроениях высших инстанций были горячо поддержаны всеми: и широкой публикой, и критикой, и музыкантами, – словно высвободив давно копившиеся интерес и любовь к музыке отвергнутого на родине эмигранта, да и вообще – к подлинной новой музыке, почти не пробивавшейся в 1930-е годы к советскому слушателю сквозь густое сито запретов. Это был редкий момент, когда отношение к рахманиновской музыке критиков и публики полностью совпали.

В центре внимания музыкальной общественности оказались последние, зарубежные произведения композитора, с которыми в СССР знакомились впервые. Среди них особое место заняла Третья симфония. Количество событий вокруг этого произведения и их эмоциональный «градус» поражают воображение.

1 апреля 1943 года состоялось заседание Художественного совета Московской консерватории, посвящённое 70-летию С.В. Рахманинова. С докладами выступали И.Ф. Бэлза, А.Б. Гольденвейзер, А.Ф. Гедике, Н.Г. Райский. В концерте, завершившем заседание, А.Н. Александров и В.В. Нечаев сыграли на фортепиано в 4 руки Третью симфонию Рахманинова (прозвучала также 2-я сюита для

2-х фортепиано в исполнении А.Б. Гольденвейзера и А.Ф. Гедике).

11 июня 1943 года, через 2 месяца и 17 дней после смерти Рахманинова состоялась Премьера Третьей симфонии в СССР. Симфония была исполнена в Большом зале Московской консерватории Государственным симфоническим оркестром под управлением Николая Семеновича Голованова. Симфония прозвучала в том же исполнении и в том же зале ещё дважды – 13 июня и 9 июля 1943 года.

Отклики советской прессы на премьеру симфонии были сплошь восторженными. Практически все критики отмечали большой успех у публики и сходились во мнении, что последняя симфония Рахманинова – выдающееся произведение (фрагменты этих отзывов собраны и приведены в издании: [11, с. 378–379]). Б.В. Асафьев утверждал, что «она крупное явление в эволюции национально-русского симфонизма» (газета «Литература и искусство», 1943, 19 июня. Цит. по: [11, с. 379]). Г.Н. Хубов писал о ней как о «явлении огромного масштаба», резюмируя: «это, бесспорно, одно из самых талантливых и глубоких произведений русской симфонической музыки двадцатого века» (газета «Правда», 1946, 26 июня. Цит. по: [11, с. 379]). Н.С. Голованов отмечал: «Как всякое глубокое явление в искусстве Третья симфония сразу не поражает, но её глубокая философская сущность, романтическая прелесть мелоса, очарование национальной стихии и технически отточенное зрелое мастерство навсегда останутся в памяти слушателей» (газета «Вечерняя Москва», 1943, 14 июня. Цит. по: [11, с. 378-379]). Высокая оценка симфонии звучала также в рецензиях И.Ф. Бэлзы (газета «Известия», 1943, 12 июня), А.Б. Гольденвейзера журнал «Огонек», (1943, № 33, с. 14) и других (см.: [11, с. 378]). Во всех откликах подчёркивались национальный

характер произведения, отражённая в нём искренняя любовь к Родине, ясность формы и певучий мелодизм.

В 1944 году только что созданный Научно-исследовательский кабинет при Московской консерватории одно из своих заседаний (26 марта 1944 г.) посвятил годовщине со дня смерти Рахманинова.

В 1945 году, с 17 по 25 октября, по инициативе и при поддержке Комитета по делам искусств СНК СССР в Московской консерватории и Государственном центральном музее музыкальной культуры была проведена научная сессия, посвящённая творчеству С.В. Рахманинова. В те же дни была открыта выставка «Рахманинов. Жизнь, творчество, исполнительская деятельность». В рамках сессии было организовано прослушивание Третьей симфонии в грамзаписи, её анализ был представлен в докладе В.В. Протопопова «Позднее симфоническое творчество С.В. Рахманинова». В подготовке и проведении этих акций приняли участие авторитетные специалисты: К.А. Кузнецов, И.Ф. Бэлза, А.Ф. Гедике, А.Б. Гольденвейзер, Л.А. Мазель, Д.В. Житомирский, Г.М. Коган, В.В. Яковлев, В.В. Протопопов, Т.Э. Цытович, Б.В. Доброхотов, Е.Е. Бортникова и др.

Материалы научной сессии были опубликованы в 1947 году [12]. Третья симфония была признана одной из вершин (если не главной кульминацией) творчества её создателя. Т.Э. Цытович в предисловии к сборнику 1947 года писала о месте симфонии в наследии Рахманинова: «...Третья симфония – единственное произведение зарубежного периода его жизни, которое по своему уровню достигает таких вершин его творчества, как Второй и Третий концерты для фортепиано. Это произведение свидетельствует о том, что Рахманинов всегда оставался русским композитором, достойным преемником

традиций русской классической музыки» [13, с. 6]. В.В. Протопопов утверждал: «Третья симфония занимает центральное место в позднем творчестве Рахманинова, но она... в сущности является кульминацией его творчества в целом» [10, с. 150].

Многие положения, высказанные и обоснованные в этом сборнике, стали основой дальнейшего осмысления музыки композитора. До сих пор исследователи охотно обращаются, например, к статье Л.А. Мазеля «О лирической мелодике Рахманинова» [7] или к работе В.В. Протопопова «Позднее симфоническое творчество Рахманинова» [10].

Однако уже в 1948 году в СССР «мода» резко отвернулась от Рахманинова. Теперь это произошло в результате печально известной «антиформалистической» кампании, инспирированной постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». И снова исходящий от властей импульс (отличавшийся небывалой агрессивностью) вызвал поворот общественного мнения и породил поток противоположных прежним высказываний⁵. Как можно предположить, многие из них были на тот момент вполне искренними.

По идеологическим мотивам отвергалось многое в наследии Рахманинова, и в первую очередь его поздние, зарубежныеopusy. Недавние восторженные оценки признавались ошибочными, а выдвигавшие их музыканты подверглись жестоким нападкам. Так, в рецензии на сборник статей 1947 года Ю.В. Келдыш писал: «В стремлении любой ценой подвести творчество Рахманинова под свою излюбленную концепцию “трагедии рока”, И. Бэлза не только утрирует и раздувает слабые, модернистские стороны этого творчества, но и доходит до геркулесовых столбов пошлости» [5, с. 98]. На одном из проходивших в феврале 1949 года партийных

собраний из уст того же автора вновь прозвучали обвинения в адрес Рахманинова и апологетов его поздних произведений: «Как бы мы ни уважали Рахманинова, как бы высоко ни ценили его творчество, но мы не можем забыть того факта, что он порвал со своей родиной, и в течение четверти века не желал поддерживать с ней никакой связи. И вот, оказывается, что именно этот художник является высочайшим выразителем моральных идеалов русского народа» [цит по: 3, с. 375].

После событий 1948–1949 годов Третья симфония Рахманинова, как и всё его творчество, долго не удостоивалось серьезного внимания музыковедов, хотя стихийную любовь к его музыке никогда не удавалось вытравить ни в среде слушателей, ни в среде музыкантов. Произведения «эмигранта» и «модерниста» Рахманинова продолжали исполняться, но уже вне массовых восторгов, порождённых непостоянной модой. Лишь к 1970-м годам официальный авторитет Рахманинова начинает восстанавливаться, и, как ни парадоксально, видную роль в этом сыграл бывший хулиган его эмигрантского творчества Ю.В. Келдыш, автор одной из первых обстоятельных монографий о композиторе (ограниченной, правда, только русским периодом жизни и творчества героя) (см. [6]).

Сложившиеся в выступлениях и публикациях 1945–1947 годов подходы к осмыслению концепции Третьей симфонии были возрождены и плодотворно продолжены в 1970-е годы в работах А.И. Кандинского [4] и В.Н. Брянцевой [1], убедительно вписавших художественные открытия последней симфонии Рахманинова в контекст русского симфонизма⁶.

С 1970-х годов активизировался и исполнительский интерес к произведению. Его с успехом исполняли, а также записывали на пластинки и диски выдающиеся

отечественные дирижеры – Е.Ф. Светланов, М.А. Янсонс, Д.Г. Китаенко, В.К. Полянский, М.В. Плетнёв и др.

Первое десятилетие в концертной судьбе Третьей симфонии Рахманинова сосредоточило в себе весьма симптоматичные столкновения и сломы суждений. В 1930–1940-е годы в США заявляет о себе конфликт слушательской «моды» на музыканта и столь же модного «снисходительного» отношения прессы к его компо-

зиторскому творчеству. Судьба симфонии в СССР вбирает в себя сразу два слома: от недоверия и полу-запретов – к короткому периоду всеобщих восторгов (1943–1947), и затем – к ещё более жестокому её осуждению в последние сталинские годы. Сегодня эти споры и сломы – достояние истории, а дальнейшая жизнь произведения давно и веско подтвердила вдохновенную красоту и трагическую мощь последней симфонии русского мастера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые сведения о рецепции Третьей симфонии Рахманинова первыми её слушателями в США и на родине композитора приведены в книге В.Н. Брянцева [1], а также в комментариях к изданию [11]

² Все цитируемые здесь газетные статьи собраны в архиве Российского национально-музыкального музея (РНММ. Ф. 18. №№ 612, 1660: «Рецензии и заметки о С.В. Рахманинове в американской прессе 1936–1947. Вырезки из газет»). Переводы с английского выполнены автором статьи. В архивной подборке не указаны страницы газет, на которых размещены статьи, поэтому страницы не указываются и в предлагаемой публикации.

³ Рахманинов имеет в виду следующую реплику журналиста: “Sergei Rachmaninoff did

not have another symphony in him”. Её можно перевести так: «Сергей Рахманинов не смог создать ещё одну симфонию». [14] (Capacity Audience Greets Stokovsky // Philadelphia Record November 7, 1936).

⁴ О судьбе наследия Рахманинова в СССР в 1930-е годы см.: [8, 9].

⁵ Третья симфония Рахманинова тогда разделила судьбу ряда произведений советских композиторов, высветив неожиданные параллели – прежде всего, с творчеством Д.Д. Шостаковича (см. об этом: [2])

⁶ Свою траекторию имела рецепция последней симфонии Рахманинова в зарубежной послевоенной публицистике и науке – она достойна отдельного специального рассмотрения, не входящего в задачи предлагаемой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. М.: Советский композитор, 1976. 645 с.
2. Валькова В.Б. Рахманинов и Шостакович: 1930-е годы // Валькова В.Б. С.В. Рахманинов и русская музыкальная культура его времени. Сборник статей / Отв. ред. И.Н. Вановская. Музей-усадьба С.В. Рахманинова «Ивановка», Государственный институт искусствознания. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2016. С. 156–163.
3. Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2010. 455 с.
4. Кандинский А.И. О симфонизме Рахманинова. Очерк первый // Советская музыка. 1973. № 4. С. 83–93. То же: Кандинский А.И. Статьи о русской музыке. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2010. С. 105–122.
5. Келдыш Ю.В. Новые книги о Танеэе и Рахманинове // Советская музыка. 1948. № 6. С. 98.
6. Келдыш Ю.В. Рахманинов и его время. М.: Музыка, 1973. 470 с.
7. Мазель Л.А. О лирической мелодике Рахманинова // С.В. Рахманинов: Сборник статей

и материалов. Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры. Т. I. / Ред. Т.Э. Цытович. М. – Л.: Гос. муз изд., 1947. С. 155–175.

8. Науменко Т.И. Рахманинов и раннее советское музыкознание // Музыкальный мир С.В. Рахманинова на рубеже XX-XXI веков: проблемы диалога культур (к 50-летию Ростовской государственной консерватории имени С.В.Рахманинова) / Ред. Е.В.Кисеева, А.В.Крылова. – Ростов н/Д: Издательство РГК им. С.В.Рахманинова, 2017. С. 9–22.

9. Никитин Б.С. Сергей Рахманинов. Две жизни. М.: Классика-XXI, 2008. 208 с.

10. Протопопов В.В. Позднее симфоническое творчество Рахманинова // С.В. Рахманинов: Сборник статей и материалов. Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры. Т. I. / Ред. Т.Э.Цытович. М. – Л.: Гос. муз изд., 1947. С. 130–154.

11. Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3-х томах / Сост.-ред., авт. вступ. ст., коммент., указ. З.А. Апетян. М.: Совет. композитор. Т. 3: Письма. М.: Совет. композитор, 1980. 573 с.

12. С.В. Рахманинов. Сборник статей и материалов. Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры. Т. I. / Ред. Т.Э. Цытович. М. – Л.: Музгиз, 1947. 272 с.

13. Цытович Т.Э. От редактора // С.В.Рахманинов: Сборник статей и материалов. Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры. Т. I. / Ред. Т.Э. Цытович. М. – Л.: Гос. муз изд., 1947. С. 5–6.

14. Capacity Audience Greets Stokovsky // Philadelphia Record. November 7, 1936.

15. Disorganized Russian // The Time. November 23, 1936.

16. Downes O. Stokowski Brings New Work to Town // New York Times. November 11, 1936.

17. Gilman L. Stokowski Conducts an Orchestral “Boris”; and a New Symphony Is Heard // New York Herald Tribune. November 11, 1936.

18. Rachmaninoff Work Is Received Warmly // The New York Times. November 8, 1936.

19. Seaman J. Music // Daily Mirror. November 11, 1936.

Об авторе:

Валькова Вера Борисовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Российской академии музыки имени Гнесиных; ведущий научный сотрудник Государственного института искусствоведения (121069, Москва, Россия), **ORCID: 0000-0002-5858-0613**, veraval@yandex.ru.

REFERENCES

1. Bryantseva V.N. *S.V. Rakhmaninov* [S.V. Rakhmaninov]. Moscow: Sovetsky kompositor, 1976. 645 p.

2. Val'kova V.B. Rakhmaninov i Shostakovich: 1930-e gody [Rakhmaninov and Shostakovich: the 1930th]. Val'kova V.B. *S.V. Rakhmaninov i russkaya musykal'naya kul'tura ego vremeni* [S.V. Rakhmaninov and the Russian Musical Culture of his Epoch]. Editor by I.N. Vanovskaya. Musey-usad'ba S.V. Rakhmaninova «Ivanovka»; Gosudarstvennyy institut iskusstvovznamiya [Museum Memorial Estate “Ivanovka”, State Institute for Art Studies]. Tambov: Izdatel'stvo Pershina R.V., 2016, pp. 156–163.

3. Vlasova E.S. *1948 god v sovetskoj muzyke. Dokumentirovannoe issledovanie* [1948 Year in the Soviet Music. The Documented Research]. Moscow: Klassika-XXI, 2010. 455 p.

4. Kandinsky A.I. O simfonizme Rakhmaninova. Oчерk pervyy [On Rakhmaninov's Symphonism. First Essay]. *Sovetskaya muzyka* [The Soviet Music]. 1973. No. 4. P. 83–93. To zhe: Kandinskiy A.I. Stat'i o russkoj muzyke. [Also: Kandinsky A.I. Articles about Russian Music]. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr «Moskovskaya konservatoriya», 2010, pp. 105–122.

5. Keldysh Yu.V. Novye knigi o Taneve i Rakhmaninove [New Books on Taneev and Rakhmaninov]. *Sovetskaya muzyka* [The Soviet Music]. 1948. No. 6, pp. 98.

6. Keldysh Yu.V. Rakhmaninov i ego vremya [Rakhmaninov and his Epoch]. Moscow: Musika. 1973. 470 p.
7. Mazel' L.A. O liricheskoy melodii Rakhmaninova [On Rakhmaninov's Lyric Melody]. *S.V. Rakhmaninov: sbornik statey i materialov. Trudy Gosudarstvennogo centralnogo museya muzykalnoy kultury*. T. 1. [S.V. Rakhmaninov: The Collection of Articles and Materials. Works of the State Central Museum of Musical Culture. Vol. 1]. Editor by T.E. Tsytoovich. Moscow; Leningrad: Muzgiz. 1947. P. 155–175.
8. Naumenko T.I. Rakhmaninov I rannee sovetskoe muzykoznanie [Rakhmaninov and Early Soviet Musicology]. *Muzykalnyy mir Rakhmaninova na rubezhe XX-XXI vekov: problemy dialoga kultur (k 50-letiyu Rostovskoy gosudarstvennoy konservatorii imeni S.V. Rakhmaninova* [The Musical World of S.V. Rakhmaninov at the Turn of the XX–XXI Centuries: Problems of the Dialogue of Cultures (to the 50th Anniversary of the Rostov State Conservatory named after S.V. Rakhmaninov)]. Editors by E.V. Kiseeva, A.V. Krylova. Rostov-on-Don: RGK im. S.V. Rakhmaninova. 2017, pp. 9–22.
9. Nikitin B.S. *Sergei Rakhmaninov. Dve zhizni* [Sergei Rakhmaninov. Two Lives]. Moscow: Klassika-XXI, 2008. 208 p.
10. Protopopov V.V. Pozdnee simfonicheskoe tvorchestvo Rakhmaninova [Late Symphonic Work of Rakhmaninov]. *S.V. Rakhmaninov: sbornik statey i materialov. Trudy Gosudarstvennogo tsentralnogo museya muzykal'noy kul'tury*. T. 1. [S.V. Rakhmaninov: The Collection of Articles and Materials. Works of the State Central Museum of Musical Culture. Vol. 1]. Editor by T.E. Tsytoovich. Moscow; Leningrad: Muzgiz. 1947, pp. 130–154.
11. Rakhmaninov S.V. Literaturnoe nasledie. T. 3. *Pis'ma* [Rakhmaninov S.V. The Literary Heritage. Vol. 3: Letters.]. Edited and commented by Z.A. Apetyan. Moscow: Sovetsky kompositor, 1980. 573 p.
12. *S.V. Rakhmaninov: sbornik statey i materialov. Trudy Gosudarstvennogo tsentral'nogo museya muzykal'noy kul'tury*. T. 1. [S.V. Rakhmaninov: The Collection of Articles and Materials. Works of the State Central Museum of Musical Culture. Vol. 1]. Editor by T.E. Tsytoovich. Moscow; Leningrad: Muzgiz. 1947. 272 p.
13. Tsytoovich T.E. Ot redaktora [From the Editor]. *S.V. Rakhmaninov: sbornik statey i materialov. Trudy Gosudarstvennogo centralnogo museya muzykalnoj kultury*. T. 1. [S.V. Rakhmaninov: The Collection of Articles and Materials. Works of the State Central Museum of Musical Culture. Vol. 1]. Editor by T.E. Tsytoovich. Moscow; Leningrad: Muzgiz. 1947. 1947, pp. 5–6.
14. Capacity Audience Greets Stokovsky. *Philadelphia Record*. November 7, 1936.
15. Disorganized Russian. *The Time*. November 23, 1936.
16. Downes O. Stokowski Brings *New Work to Town* [New York Times]. November 11, 1936.
17. Gilman L. Stokowski Conducts an Orchestral “Boris”; and a New Symphony Is Heard. *New York Herald Tribune*. November 11, 1936.
18. Rachmaninoff Work Was Received Warmly. *The New York Times*. November 8, 1936.
19. Seaman J. Music. *Daily Mirror*. November 11, 1936.

About the author:

Vera B. Val'kova. Dr.Sci. (Arts), Professor, Music History Department, Gnesins Russian Academy of Music, State Institute of Art Studies Leading Researcher (121069, Moscow, Russia), **ORCID: 0000-0002-5858-0613**, veraval@yandex.ru

